

Светлана Дёмкина

Окунуться в атмосферу эпохи модерн...

Музей-квартира А. М. Горького располагается в прекрасном особняке стиля модерн на Малой Никитской улице в историческом центре Москвы. Дом был построен в самом начале XX века для Степана Павловича Рябушинского — представителя известной династии купцов и промышленников, предпринимателя, мецената, человека удивительной судьбы, европейски образованного, знатного нескольких языков, специалиста по русской иконе, археолога, очень много сделавшего для русской культуры. Он заказал этот дом замечательному русскому архитектору Федору Осиповичу Шехтелью, который в то время был одним из самых модных и известных архитекторов, с репутацией архитектора-философа, архитектора-художника, архитектора-инженера. На относительно небольшом участке Шехтель построил московскую усадьбу со всеми необходимыми службами, создав настоящий шедевр.

Шедевр русского и, в первую очередь, московского модерна, которым мы до сих пор восхищаемся. Особняк является не только памятником архитектуры стиля модерн, но и памятником отечественной истории.

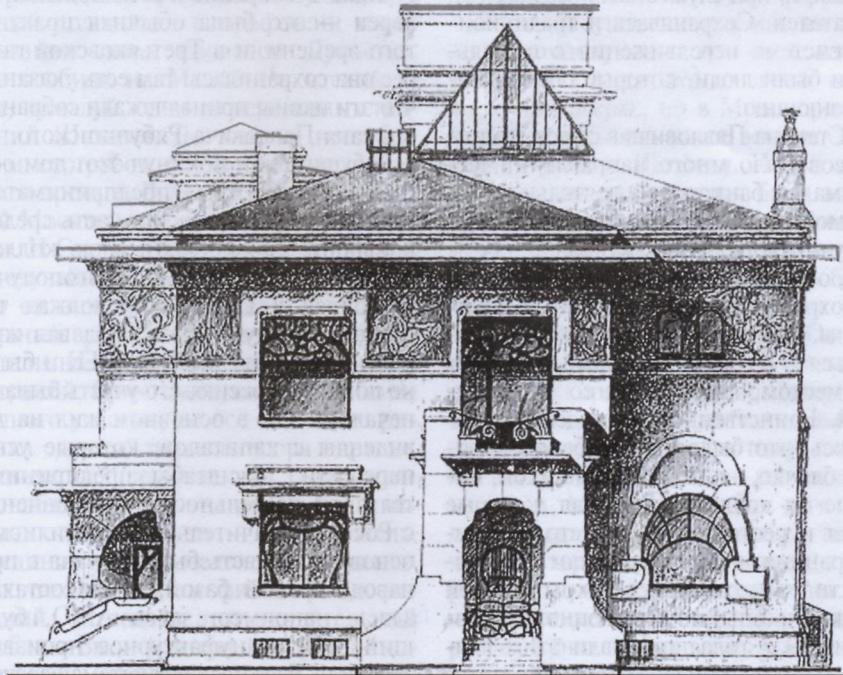
Кроме основного дома семьи Рябушинского, в архитектурный ансамбль вошли традиционные вспомогательные службы. Правда, в нашем случае есть некоторые отличия, потому что Степан Павлович был все-таки человеком XX столетия. Он был одним из основателей первого в России автомобильного завода и обладателем одного из первых автомобилей в Москве. Поэтому среди служебных построек помимо конюшни присутствует гараж. По проекту Шехтеля флигель, замыкающий внутренний двор, предназначался для хозяйственных нужд. На первом этаже размещались прачечная и дворническая, на втором — комнаты для прислуги Рябушинских. В годы, когда в особня-

ке жил Горький, во флигеле располагались редакции созданных им журналов «На стройках СССР», «Наши достижения» и издательство «История фабрик и заводов». С августа 1941 года до последних дней своей жизни в этом доме жил писатель Алексей Николаевич Толстой. И теперь во флигеле располагается музей А. Н. Толстого. Тем не менее, единство, созданное архитектором, целостность этой усадьбы, этого замкнутого пространства — они сохранены. И сад, и промежуточное пространство между двумя музеями, и более низкий полукруг служебных помещений, где ранее были конюшни и гараж, — они воссоздают пространство, как оно было задумано Шехтелем в начале прошлого столетия.

Степан Павлович жил здесь с женой и двумя детьми. Первый этаж был традиционно мужской и светский, где принимали гостей, а второй — женская и детская часть. Но в этом доме есть еще и третий этаж, на нем расположена молельня, которая традиционно называется тайной. И вот почему: когда Шехтель строил этот дом для Степана Павловича, старообрядчество еще не было уравнено в правах с официаль-

ным православием, оно было запрещено. Поэтому при подготовке проекта Шехтель сделал так, что архитектурно эта молельня оказалась зашифрованной. То есть с улицы, отойдя в ту или иную сторону от дома, купол домашней церкви мы не увидим. Но если вы поднимитесь на третий этаж и окажетесь в этой молельне, в этой домашней церкви, то увидите купол над головой, и у вас будет полное ощущение, что вы в церкви. Так получилось, что, когда дом был уже готов, Николай II издал указ об уравнении в правах старообрядчества и православия, и необходимость в какой-либо тайне отпала. Но архитектурное решение Шехтеля осталось.

Стоит особо подчеркнуть, что особняк обладал по тем временам очень сложной технической оснащенностью — в нем использовались все инженерные нововведения, которые были возможны на тот период. Здесь были и горячая вода, и электричество, и телефонная связь. И, конечно, особняк обслуживало большое количество людей. Это были люди, которые, во-первых, помогали семье Рябушинских осуществлять, что называется, текущую жизнедеятельность. Во-вторых, там были тек-

нические службы, которые, допустим, наблюдали за состоянием стеклянных крыш, подвальных помещений, вентиляционной системы, системы кондиционирования — одной из самых передовых для того времени. Несмотря на то, что Степан Павлович сам водил машину, шофер при служебных поездках был обязателен. Сохранилась и традиционная система передвижения с лошадьми, и были люди, которые обслуживали конюшню.

У Степана Павловича в сфере его интересов было много направлений. Он занимался банковской деятельностью, автомобильным делом, изданием газет и научно-популярных журналов, кроме того, он был археологом, специалистом по сохранению и реставрации русской иконы. Конечно, все это не могло уместиться в его доме, который был просто местом, где он жил со своей семьей. Единственное, что здесь размещалось, что было ему особенно дорого и близко, — это собрание икон, которые он коллекционировал, которые искал и реставрировал. Методику реставрации он придумал сам. В перспективе он собирался открыть музей русской иконы, но революционные события 1917 года помешали этим планам. Тем не менее, мы можем пред-

полагать, что его собрание икон было весьма значительно, он публиковал статьи и выпускал научные издания по этой теме. В 1917 году самые дорогие иконы, которые были для него важны, он забрал с собой, уезжая в эмиграцию. Основная коллекция поступила в собрание Третьяковской галереи — это была обычная практика того времени, и в Третьяковской галерее она сохранилась: там есть указание, что эти иконы принадлежали собранию Степана Павловича Рябушинского.

Рябушинский покинул этот дом осенью 1917-го... Чутье предпринимателя помогло ему: он перевел часть средств в Европу, сумел увезти свою коллекцию, свою семью. И благополучно устроился в Европе, продолжал там изучать русскую икону, издавал журналы, устраивал выставки. Если бы он не покинул Россию, его судьба была бы печальна. Он в основном жил на дивиденды с капиталов, которые успел перевести. Масштабы предпринимательской деятельности по сравнению с Россией значительно сократились — основная ее часть была связана с производственной базой, а она осталась здесь, например, завод АМО, будущий ЗИЛ, мануфактурное производство или банковская система, создан-

ная братьями Рябушинскими, очень известная в России.

Но вернемся к особняку, построеному Федором Шехтелем. Если смотришь внимательно на сам особняк, майоликовые панно на фасаде, на интерьер основного здания, то понимаешь, что каждая детальозвучна определенному общему замыслу. Каждое окно, каждая дверь, каждый потолок, каждый светильник, и даже вся фурнитура — дверные ручки, запоры на окнах. Мог ли один человек все это замыслить или все-таки работала целая «команда»? Когда мы называем какой-нибудь памятник архитектуры, тот или иной, любого стиля, — мы всегда первым делом произносим имя архитектора. Мы говорим: этот архитектор построил этот дом. Мы, конечно, понимаем, что один архитектор, как бы он ни был талантлив и одарен от природы, не может осилить весь объем работ, необходимых для реализации проекта. Но принципиально важно представлять архитектора: его мировоззрение, его стилистику, его почерк, его отношение к миру, отношение к архитектуре. В данном случае Шехтель — прекрасный образец мастера, зодчего с большой буквы, который долго шел в профессии к реализации своих замыслов. Думается, что особняк на Малой Никитской — это, пожалуй, одно из вершинных творений Шехтеля. До этого у него было много работ, и ученических, и уже более зрелых. В иерархии архитектурной Москвы он занимал высокие позиции. И Степан Павлович Рябушинский не случайно к нему обратился, потому что он знал, что Шехтель — удивительный архитектор. Конечно, ему помогали. И в воплощении мозаики или витражей, безусловно, он не принимал личного участия, но всё от общего рисунка здания, замысла узора паркета, технических сооружений, систем водоснабжения, всё это имело один источник вдохновения — это Шехтель. Соединив тысячу мелочей, декоративных, технических и философских решений, он создал этот удивительный особняк. Были мастера, которые помогали ему, — мастера по литию стекла,

по решению вопроса реализации цвета. Это очень важно для эпохи модерн — цветовые нюансы. Да, выбор мрамора, стекла, окраски для потолка — для всего этого необходимы мастера в своей области. Но и в данном случае мы все-таки вправе оставить за Шехтелем главенствующую роль во всем.

Любознательный посетитель обратит внимание, что даже, скажем, дверные ручки на каждой двери — уникальные, необычные. Шехтель помнил и о таких деталях. Дело в том, что для архитектора, работавшего в стиле модерн, не было мелочей. Потому что любое произведение искусства — это сумма деталей, нюансов, оттенков, настроений. И когда мы собираем всё это вместе, то понимаем: только так рождается шедевр. Судьбу этой усадьбы можно назвать успешной. В 1931 году усилия советского правительства по возвращению Горького из Италии на родину увенчались успехом, а писателю предоставили этот дом. И последние пять лет жизни Горького здесь обернулись охранной грамотой для особняка. Он избежал перестроек, переделок, и стал предметом сохранения, изучения, реставрации, консервации и популяризации.

После Рябушинского у нас не осталось фотодокументов: он не делал фотографий своего дома, своей семьи в его интерьерах, но в Музее архитектуры остались кое-какие эскизы, зарисовки, заметки Шехтеля. И при научной реставрации, которая была в конце 70-х — начале 80-х годов прошлого столетия, использовались эти материалы для воссоздания в полном объеме творения архитектора.

В чем ценность этого дома? Он сберег подлинность во всем, его интерьеры, его декоративное оформление, его техническое устройство были сохранены. Во многом благодаря тому, что более полувека назад здесь разместился музей А. М. Горького. То есть этот дом не претерпел изменений технического характера, декоративного характера, и мы сейчас предлагаем своим посетителям шехтельевские интерьеры, а они имеют возможность окунуться в атмосферу эпохи модерна.